

*Ю.А.Левада,
доктор философских наук,
ВЦИОМ*

Общественное мнение и общество на перепутьях 1999 года

Год 1999 обнаружил ряд новых феноменов общественного мнения, которые ранее не замечались исследователями. Широкое, почти единодушное осуждение первого Президента России (в частности, в то время, когда Думой была предпринята попытка импичмента Б.Ельцина) сменилась примерно столь же массовой поддержкой нового премьера, который стал официальным его наследником. С августа 1999 г. начался довольно сложный и длительный процесс фактического перехода высших властных полномочий в руки нового лидера и — как ожидалось, по крайней мере — новой президентской "команды". Можно отметить четыре взаимосвязанных направления трансформации общественных настроений и симпатий за эти месяцы — во-первых, формирование массовой поддержки неизвестному ранее деятелю; во-вторых, кардинальная переоценка военно-чеченской кампании; в-третьих, создание социальной базы для бюрократического блока "Единство"; в-четвертых, разрушение аналогичной базы для столь же бюрократического блока "Отечество — Вся Россия" и дискредитация его лидеров. Все они обеспечивались беспрецедентным и беспредельным давлением со стороны государственных телекана-

лов. Если в период президентской избирательной кампании 1996 г. с трудом полученная поддержка Б.Ельцина была достигнута в результате политической мобилизации "старого" демократического электората, то в данном случае требовалось не воспоминание о славном прошлом, а демонстративное отрицание его, противопоставление стилю и наследию прошлого, конструирование симпатий к новому лидеру как бы с нулевого уровня. Достигнутый результата — поддержка кандидатуры В.Путина большинством потенциального электората — породил в среде пропагандистской (пиаровской) его поддержки представление о том, что средствами "эффективных технологий" можно надолго овладеть не только общественным мнением, но и самим механизмом власти над обществом. Последующие месяцы (скорее всего, уже после президентских выборов) покажут, насколько обоснованы подобные представления.

Важный "фоновый" момент указанных сдвигов в общественных симпатиях — изменение общественных настроений, наблюдаемое с лета и особенно с осени 1999 г.: резко улучшились показатели социального оптимизма, оценки людьми их собственного положения, надежды на будущее, доверие к властным институтам и пр. (табл. 1).

Таблица 1

Индексы социального настроения* 1998—2000 гг.

Показатель	1998 г.		1999 г.		2000 г.
	Июль	Ноябрь	Январь	Ноябрь	Январь
Положение семьи	96	80	88	96	111
Положение России	91	41	45	71	85
Ожидания	91	41	45	75	98
Настроения	93	79	79	96	107
Сводный индекс	69	44	54	87	100

* Рассчитано по данным Мониторинга ВЦИОМ (N=2400 человек).

Если в феврале 1999 г. 28% опрошенных отвечали, что они уже приспособились к переменам последних лет, а еще 20% — что они приспособятся в ближайшее время, то к концу декабря 1999 г. эти показатели составили, уже соответственно 41 и 23% (исследования типа "Экспресс", N=1600 человек). И при этом только 15% отвечали, что они выиграли от происшедших перемен, а 73% — проиграли. Это значит, что люди начинают привыкать к потерям, а некоторая часть — меньшинство, порядка 10%, по данным ряда исследований, — стремится использовать открывшиеся с реформами новые возможности.

Имеется очевидная "экономическая" составляющая процесса роста позитивных настроений за последние месяцы: признаки

оживления хозяйства, стабилизация рубля, заметное уменьшение мучительных для населения задержек зарплат и др. (так, в 1999 г. в феврале улучшение ситуации с выплатами отмечали только 17%, а в декабре — 50%, номинальные душевые доходы за год возросли почти в полтора раза). Однако лишь экономических факторов явно недостаточно, чтобы объяснить крутой поворот общественного мнения в сторону оптимизма. Решающую роль здесь, скорее всего, сыграли надежды, связанные с новым энергичным лидером, и первые успехи решительных действий в мятежной Чечне.

Наблюдаемый на протяжении ряда месяцев затяжной переход власти от Б.Ельцина к В.Путину представляет собой довольно сложный и противоречивый социально-политический процесс, затрагивающий различные сферы, слои, механизмы общественной жизни. Сама сложность такого перехода давно может считаться некоей отечественной традицией: персонализация верховной власти при неразвитости формальных политических институтов в России неизменно, в течение нескольких столетий, приводила к тому, что смена первых лиц означала смену политических эпох, стилей и механизмов господства, состава и роли определенных групп влияния и т.д.; наиболее драматическими такие переходы были в XVIII—XX вв. В XX в. ни один из российских и советских правителей не ушел в "положенный" срок, при гарантированных условиях преемственности. Каждый властный переход означал более или менее глубокую *трансформацию* властных механизмов.

В этом ряду происходящий переход может, видимо, считаться наиболее длительным и как будто лишенным внутривластной напряженности. Очевидно, однако, что соблюдение конституционных рамок и видимая бесконфликтность, даже фактическое отсутствие конкуренции, обеспечены смещением решающих политических и программных дилемм в сферы неформальных меж- и внутригрупповых отношений в коридорах или подземельях власти (отсюда, разумеется, и затяжной характер реальной передачи власти, далеко выходящий за формальные рамки — как в начале, так и в конце). И столь же очевидно, что внешне мирный процесс смены "караула" в Кремле гарантирован и стимулирован широкими и ожесточенными военными действиями на Северном Кавказе. Да и тревожная неопределенность принципиального политического курса верховной власти на всем протяжении "переходных" месяцев показывает, сколь неустойчивыми и расплывчатыми оказались сами рамки социально-допустимых действий, предусмотренных конституционными статьями и традициями постсоветских лет.

Властный переход 1999-2000 гг. стал трудным испытанием для всей хрупкой институциональной системы, которая стала складываться в России после 1991 г., в том числе и испытанием на прочность демократических тенденций общественного мнения.

Накопившийся за ряд лет груз разочарований и унижений позволил провести своего рода "переворот" в общественном мнении. "Назначенный" уходящим президентом преемник был воспринят и утвердился как контрастная фигура по отношению к предшественнику. Публично (и почти официально) проклинаясь еще весной 1999 г. чеченская кампания уже осенью стала героической или, по меньшей мере, необходимой акцией. Одновременно сменился и сценарий действия на российской политической сцене: утратило значение противостояние власти и компартии, произошла переоценка роли "правых".

Как и любой кризисный перелом, затянувшийся переход властных функций обнажает скрытые механизмы реализации таких функций — групповые ("семейные") и "олигархические" структуры влияния, ограниченность роли формальных институтов (партий, парламента, прессы) и, разумеется, роли общественного мнения как социального института.

В этих условиях систематические исследования общественного мнения оказались востребованными в невиданных ранее масштабах. Ни один из происходивших ранее процессов передачи властных полномочий в нашей стране не был отмечен таким официальным и неофициальным вниманием к общественному мнению, причем не столько даже к соответствующим исследованиям, сколько к направленному воздействию с целью формирования (или разрушения) определенных его тенденций. На первый план выступили проблемы, относящиеся не к технологии, а к *социологии* изучения общественного мнения: понимание специфических функций общественного мнения в новой переходной ситуации, факторов и пределов направленного влияния на отдельные его слои и "болевые точки" и т.д.

Как можно судить по опросам, общественное мнение ожидает от нового лидера принципиальных изменений в стиле руководства, в программных установках деятельности, а также в составе самой президентской команды. До сих пор эти ожидания подкреплены лишь первым — изменением стиля поведения первого лица государства. Этого пока оказывается достаточным, чтобы закрепить в массовом сознании новый имидж лидера, контрастный по отношению к имиджу его предшественника.

Характерный для периода президентства Б.Ельцина стиль правления (импульсивные порывы, перемежающиеся длительным бездействием, опора на узкий круг постоянно меняющихся лиц, невыполнимые популистские обещания и пр.) стал вызывать явное отторжение в общественном мнении уже с конца 1993 г. Попытки поддержать падающее доверие к верховной власти с помощью "маленькой победоносной войны" (какой представлялась поначалу чеченская кампания 1994-1996 гг. ее организаторам) или периодических угроз в отношении коммунистов (запрет партии, ликвидация мавзолея и т.п.) не могли принести успеха. Вынужденное в условиях искусственно раздутой общественной конфронтации голосова-

ние в пользу Б.Ельцина на президентских выборах 1996 г. означало не столько возвращение доверия лидеру, теряющему бразды правления, сколько надежду на сохранение хотя бы некоторого порядка в стране (и отрицание "красного реванша"). Буквально на следующий день после выборов общественное мнение отвернулось от вновь избранного старого президента. Против него стали работать и невыполнение предвыборных обещаний, и неудача в чеченской кампании, и собственная затяжная и тяжелая болезнь.

"Народный" импичмент Б.Ельцина, несомненно, сыграл важнейшую роль в довольно быстром одобрении общественным мнением В.Путина как наследника президентской власти (примерно в октябре 1999 г., в обстановке воинственно-патриотической консолидации), а затем и досрочный уход Б.Ельцина с поста президента (31 декабря 1999 г.) оказал воздействие в этом же направлении. Это не значит, что Б.Ельцин ушел под "нажимом" общественного мнения: просто падение его популярности было использовано для внутригрупповых и внутриаппаратных "разборок", — того единственного механизма, который обеспечивает реальные политические сдвиги в нынешней ситуации. По всей видимости, постоянная смена премьеров-"наследников" с начала 1998 г. отражала растущее отторжение носителя президентской власти основными влиятельными группировками — олигархическим капиталом, "силовыми" верхами и собственным аппаратом. Очевидно, что только при характерном для Б.Ельцина стиле авторитарного своеволия были возможны такие "нештатные" ситуации, как, например, нажим на компартию, неожиданные рывки в кадровой и внешней политике, прекращение (или развязывание) военной акции на Кавказе и т.п.

С самого начала "испытательного" (премьерского) срока В.Путина от него ждали какой-то программы. Явное, даже демонстративное отсутствие таковой вплоть до формальной передачи премьеру президентских полномочий ставило в тупик общественное мнение. В ходе опросов относительное большинство опрошенных полагало, что претенденту все же следовало бы обнародовать какую-то программу. Однако отсутствие программы не помешало избирательной поддержке В.Путина, а возможно, даже помогло. Тем самым вновь было подтверждено, что в нашем обществе никакие программы, обещания и декларации не принимаются всерьез, а кажущаяся неизвестность будущего президента стала важнейшим ресурсом массовой надежды на него: отсутствие знаний открывает возможность массовой воображения, склонного наделять фаворита самыми желанными чертами.

В переломные моменты неизменно находит свое подтверждение универсальная фольклорная формула "не по хорошу мил, а по милу хорош", т.е. первоначально о человеке судят не по делам его (пока неизвестным), а по симпатии, по имиджу. Это, в частности, позволяет до сих пор обходить мучительный для общественного

мнения с самого начала переходного процесса вопрос, связанный с тем, останется ли при власти "старая" группа влияния на президентские решения ("семья", "ближайшее окружение").

Первые оценки деятельности первого Президента России были получены вскоре после его отставки. Приведем распределение ответов на вопрос:

Что хорошего принесли годы правления Б.Ельцина?

Вариант ответа	%
<i>Ничего хорошего</i>	45
Демократию, политические свободы	23
Преодоление дефицита, карточек, очередей	16
Возрождение частной собственности	13
Свободу действий для энергичных людей	12
Отстранение коммунистов от власти	10
Разрушение тоталитарной системы	7
Улучшение отношений с Западом	7
Надежду на возрождение России	5
Улучшение качества товаров и услуг	4
Устранение угрозы новой мировой войны	3

Исследование типа "Экспресс", январь 2000 г., N=1600 человек.

Распределение ответов на вопрос: "Что плохого принесли годы правления Б.Ельцина?"

Вариант ответа	%
Экономический кризис	40
Массовую безработицу	36
Ухудшение условий жизни	34
Чеченскую войну 1994-1996 гг.	34
Инфляцию, обесценение сбережений	32
Распад СССР	30
Расхищение богатств страны	28
Рост преступности	28
Задержки зарплат	26
Распад систем государственного образования, здравоохранения	19
Политическую нестабильность	16
Неуверенность в завтрашнем дне	15
Казнокрадство	15
Утрату Россией статуса великой державы	11
Засилье иностранцев	7
<i>Ничего плохого</i>	2

Исследование типа "Экспресс", январь 2000 г., N=1600 человек.

Конечно, мы здесь скорее наблюдаем непосредственную эмоциональную реакцию, чем взвешенную оценку уходящей полити-

ческой эпохи. Возможно, в дальнейшем распределение акцентов несколько изменится. Отметим, что главные упреки в адрес Б.Ельцина в период его правления связаны с экономическим положением страны и населения, чеченской войной 1994-1996 гг. и распадом СССР. Позиции, отражающие национально-престижные поражения, занимают последние места в списке. Позитивные результаты отмечаются значительно реже, причем даже разрыв с коммунистической системой оценивается довольно сдержанно.

Незначительное внимание к такой бросающейся в глаза черте деятельности Б.Ельцина, как демонстративный, даже показной антикоммунизм, — явление весьма примечательное. Декларативное, часто импульсивное, не подкрепленное ни глубиной критики, ни последовательностью действий отрицание предшествующей системы служило главным средством самоутверждения уходящей эпохи. Использовалось оно, особенно в критические моменты, значительно чаще, чем, например, призывы к созданию демократического строя, включению в современную цивилизацию и т.п. В большей степени это было связано с политической биографией и стилем публичного поведения Б.Ельцина. Потенциал демонстративного антикоммунизма был исчерпан довольно давно, это уже показали выборы 1995-1996 гг. Согласно данным ряда опросов последних лет, отношение населения к коммунистическому прошлому заметно улучшилось (особенно к брежневскому "застою"), даже одиозная в целом фигура И.Сталина стала восприниматься менее критично. Время затягивает старые, даже недолеченные раны, молодые поколения не представляют атмосферы всеобщего террора и вспоминают Сталина прежде всего как кумира победы 1945 г. Новое поколение лидеров, символизируемое сейчас В.Путиным, практически свободно от "антикоммунистического" груза, ищет иные способы самоутверждения и потому гораздо более открыто для практических и идеологических компромиссов с силами или символами прошлого.

Нелепо упрекать респондентов, на ответах которых формируется общественное мнение, что они не знают закулисных механизмов власти. Они оценивают лишь то, что им доступно (или что им показывают), и чаще всего — то, что они хотели бы видеть. При этом в общественном мнении нередко достаточно четко отражены какие-то принципиальные, решающие связи и соотношения. Например, данные опросов позволяют утверждать, что уход с политической сцены Б.Ельцина воспринимается людьми не как смена лиц (урочная или досрочная — не столь важно), а как признак окончания определенной политической эпохи в жизни страны, характеризующейся своим набором проблем и своим стилем их решения. Поэтому на первое место в оценке отставки президента выходят не характеристики личностей, а представления о том, как же заканчивается — или все еще длится — эта затянувшаяся эпоха. И поэтому каждому наследнику власти приходится решать

вопрос о том, как он будет представлен в глазах публики — то ли как верный ученик и продолжатель дела, то ли как решительный обличитель и критик полученного наследия. Как известно из всей истории уходящего века, каждый раз довольно быстро принимался и становился популярным второй, "контрастный" вариант, который, впрочем, непременно оказывался в чем-то искусственным, слабым.

Одна из особенностей нового этапа и нового лидера — их "долгожданность". Ведь Б.Ельцин, как и М.Горбачев, Н.Хрущев, В.Ленин — деятели, которых "не ждали", которые навязывали стране нечто иное и непривычное.

От "законного" преемника Б.Ельцина (т.е. от Кириенко—Примакова—Степашина—Путина) меньше всего ожидали реставрации советской системы. Ожидания носили преимущественно стабилизационный характер: политическая элита надеялась на изменение стиля управления, массы — на снижение цен и уровня безработицы, те и другие мечтали о наведении порядка.

Массовые экономические ожидания неизбежно и повсеместно носят популистский характер по своему содержанию и патерналистский — по средствам их осуществления. Отсюда — постоянно повторяющиеся пожелания государственного контроля за ценами и экономикой в целом, которые обычно соседствуют с привычкой пользоваться широким выбором товаров.

Подавляющее большинство населения считает, что проиграло от изменения экономической системы. При этом около 70% считает, что уже приспособилось или вскоре приспособится к происшедшим переменам. Но значительная часть предпочла бы все же иные, "социально направленные", преобразования. В этих "трех соснах" неизменно и безысходно блуждают массовые экономические предпочтения последних лет.

Что же касается массовых *политических* ожиданий, то здесь уже достаточно давно на первый план вышло требование "порядка". При всякой постановке перед общественным мнением дилеммы "демократия или порядок?" порядок неизменно одерживал верх.

Уже довольно долго и легко общественное мнение склонно считать, что материальное благополучие должно предшествовать демократии (в духе известного тезиса Великого Инквизитора у Ф.М.Достоевского: "Сначала накорми, а потом спрашивай с них справедливости"), о чем свидетельствуют данные табл. 2.

Динамика здесь не слишком заметна, но тенденция очевидна: с годами позиции сторонников приоритета демократии ослабевают.

И, наконец, давняя проблема "сильного лидера", которого, судя по опросам, давно жаждут видеть уставшие от непорядков российские граждане (табл. 3).

Поддержка сильного лидера достигает максимума в смутном 1998 г., несогласие с этой позицией уменьшается из года в год.

Таблица 2

**Согласны ли Вы с тем, что прежде нужно добиться
материального благополучия, а уже потом думать о демократии?
(в % от числа опрошенных в соответствующем году, N=1600 человек)**

Вариант ответа	1995 г.	1996 г.	1997 г.	1998 г.
Согласен*	78	79	83	85
Не согласен**	17	14	11	11
Затруднились ответить	5	7	6	4

* Сумма позиций "совершенно согласен" и "скорее согласен".

** Сумма позиций "скорее не согласен" и "совершенно не согласен".

Исследования типа "Экспресс".

Таблица 3

**Согласны ли Вы с тем, что сильный лидер
может дать стране больше, чем самые хорошие законы?
(в % от числа опрошенных в соответствующем году, N=1600 человек)**

Вариант ответа	1995 г.	1996 г.	1998 г.	1999 г.
Согласен*	66	72	78	76
Не согласен**	24	20	21	15
Затруднились ответить	10	8	11	9

* Сумма позиций "совершенно согласен" и "скорее согласен".

** Сумма позиций "скорее не согласен" и "совершенно не согласен".

Исследования типа "Экспресс".

Конечно, само по себе распределение позиций внутри общественного мнения — это пока лишь пьедестал для *имиджа* вождя-любимого фаворита, но еще не реальная опора его власти и не рычаг для совершения определенных действий.

Согласно общественному мнению в последние годы на первые места в перечне идей, вокруг которых можно было бы консолидировать страну, неизменно оказываются "стабильность" и "порядок". Население устало от неопределенности и неожиданных поворотов (неизменно ухудшавших положение простого человека). Не меньше жаждут порядка и спокойствия (при сохранении достигнутого статуса и доступа к ресурсам власти!) новые политические и хозяйственные элиты. На политической арене, даже на политическом горизонте, не наблюдаются силы, реально заинтересованные в каких-то бурных потрясениях и переделах.

"Общий знаменатель" стабилизации, приемлемой для различных общественных слоев и сил, сводится к тому, чтобы сохранить (возможно, частично) достигнутые после 1991 г. результаты социальных и политических переделов, пожертвовав, при необходимости, некоторыми их "излишествами".

Проще всего, разумеется, предположить (проследив за развитием ситуации в переходные месяцы), от каких именно "излишеств" попытаются отказаться власти под лозунгом стабилизации.

В их число попадают прежде всего некоторые "избыточные", не востребованные сейчас свободы — от свобод для регионов и гу-

бернаторов до свободы слова и прав человека. Положение упомянутых позиций в списке потенциальных лишенцев принципиально различно: за свои свободы и привилегии местные власти будут, скорее всего, вести напряженные торги и борьбу с центром, а за свободу слова и права человека при нынешней расстановке политических сил бороться практически некому и незачем. Правда, и прямой отказ от политических свобод общественное мнение также не готово одобрить.

Большинство никогда и нигде не может быть самостоятельным защитником прав меньшинства и в конечном счете отдельного человека, если нет активных демократических сил (движений, партий, лидеров), способных отстаивать такие права. В прошлую эпоху такие силы все же были заметны и, что главное, в противостоянии с коммунистическим прошлым власть, при всех своих авторитарных склонностях, вынуждена была время от времени апеллировать к демократическим символам и ценностям. "Стабилизационная" власть если и использует подобные апелляции, то, скорее всего, для демонстрации практического обесценения бывшего политического многообразия под лозунгами консолидации "всех", от сталинистов и ГКЧПистов до нынешних патриотов и олигархов.

Далее на очереди — общегражданские права и конституционная законность. Принятая в опросах последних лет позиция "соблюдение порядка и законности" теряет смысл, когда порядок опирается на незаконное использование силы. Наглядный пример этому, конечно, — используемый способ наведения порядка в мятежной Чечне, оказывающий все более сильное влияние на общероссийские политические процессы и на состояние общественных настроений. Одна из важнейших опор поддержки населением новых властных структур — сложившаяся в недавние годы тенденция одобрения ужесточения наказаний и расправ без суда с "опасными" элементами.

И, разумеется, излишней оказывается недоразвитая, а точнее всего, лишь наметившаяся за десяток лет многопартийность со всеми политическими конфликтами, парламентской борьбой и т.д. Гораздо более удобной и эффективной для нужд стабилизации выглядит "управляемая" демократия — контролируемый исполнительной властью парламент, доминирующая "государственная" партия при неэффективной или мнимой оппозиции. И, разумеется, чуть ли не безграничные возможности для "технологических" манипулирование общественным мнением.

В такой ситуации демократические свободы не востребованы, не вынуждены (как было при М.Горбачеве и Б.Ельцине), они лишь допустимы в определенных рамках.

Впрочем, характеристики содержания любых эпох всегда в какой-то мере условны (идеально-типичны), не учитывают всего реального своеобразия событий и действий. Тем более, если такие характеристики относятся к только что обозначившемуся периоду.

Время покажет, какие акции, заявленные или признанные в качестве стабилизирующих, действительно и в какой мере станут таковыми, а какие будут иметь и прямо противоположные последствия.

Массовое восприятие В.Путина как энергичного и решительно-го деятеля связано преимущественно с его стремлением любой ценой подавить чеченский мятеж, а также с его постоянно демонстрируемыми подвижностью, бойкостью речи и т.д. Эти особенности нового лидера буквально ошеломили общественное мнение с первых недель появления В.Путина на посту премьер-министра. В дальнейшем чисто эмоциональное восприятие в определенной мере входит в привычку, отчасти осмысливается в свете накопленного опыта. На протяжении "переходных" месяцев в общественном мнении утвердилось представление о В.Путине как "безальтернативном" новом лидере. Это нашло свое выражение в предвыборных рейтингах и ожиданиях.

Стержень общественно-политических настроений в начале 2000 г. — феноменально высокий уровень общественного доверия к и.о. президента при феноменально низком уровне представлений о В.Путине как человеке и политике, его "команде" и его ориентациях. Ему удалось завоевать популярность, показав свой характер — энергичность, решительность, настойчивость — на определенном, заранее для этого подготовленном, поле. И оставив фактически открытым вопрос о том, как, в каком направлении и с кем он намерен или способен эти качества использовать. В результате общество сегодня знает имя президента, который, по всей видимости, будет всенародно избран 26 марта 2000 г., но не знает, каким будет этот президент. "Правые" ожидают от него правого поворота в политике, "левые" — возврата к ценностям социальной справедливости, патриоты — противостояния проискам Запада, либералы — сохранения деловых связей с Западом, и т.д. И практически все, поддержанные гласом народа, надеются на то, что решительность нового президента обеспечит стране какой-то (неясно, какой именно) порядок.

Наиболее важными, разумеется, являются показатели готовности голосовать за определенного кандидата на ближайших президентских выборах. За последние полгода динамика по основным возможным кандидатам в президенты приведена в табл. 4.

Таким образом, уже в октябре 1999 г. определился успешный для В.Путина результат выборов, а в декабре стало ясно, что — при сохранении нынешнего или близкого к нему набора массовых предпочтений — этот успех будет достигнут уже в первом туре. (Если бы и состоялся второй тур, то, по январским данным создавалась ситуация безальтернативности, т.е. отсутствия реального выбора, отчасти напоминающая ту, которая существовала в эпоху партийно-советской монополии. И тогдашнее единогласие ("99% за..."), и приписываемая ему эмоциональная окраска ("энтузиазм",

Таблица 4

**Динамика поддержки потенциальных кандидатов
(в % от числа собирающихся участвовать в голосовании,
исследования типа "Экспресс", N=1600 человек)**

Кандидат в президенты	1999 г.					2000 г.
	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Январь
В.Жириновский	7	3	3	2	2	2
Г.Зюганов	26	27	20	18	15	16
Е.Примаков	19	19	16	11	9	7
В.Путин	2	4	21	42	50	58
Г.Явлинский	9	9	7	5	4	3

"любимый вождь" и пр.), и господствовавшая практически всеобщая привычка к такому положению — связаны с этим отсутствием альтернативы.) Ресурсы доверия населения В.Путину питаются не столько эмоциональными оценками и тем более не рациональным анализом его действий, сколько тем же представлением об отсутствии иного выбора.

Переходная ситуация обострила внимание к роли военных и спецслужбовских структур в общественной жизни страны с двух сторон: во-первых, ФСБ снова предстает как "кузница" руководящих кадров нового президента и части его окружения; во-вторых, прямое и значительное влияние на общество оказывают действия и амбиции военного командования и военных структур (армейских, МВД и др.), участвующих в чеченском конфликте. Серьезное значение для состояния общества имеют процессы, происходящие в действующих вооруженных силах — декларированные некоторыми, в том числе и демократическими, политиками надежды на "возрождение" армии или наблюдаемые тенденции деградации ее личного состава, ожесточение, развитие "чеченского синдрома", аналогичного "афганскому" и пр.

Как показывают исследования, сама по себе длительная связь В.Путина с "органами" вызывает беспокойство у сравнительно небольшой части опрошенных — менее, чем у четверти. В сентябре 1999 г. полное доверие к службам госбезопасности выражали 20% опрошенных, полное недоверие — 25%. Образ органов НКВД—КГБ как самостоятельного субъекта карательного насилия (созданный, кстати, для самооправдания партийным руководством еще при И.Сталине, если не ранее, а потом активно использовавшийся в аналогичных целях уже Н.Хрущевым) практически полностью утратил свою силу.

Если в прошлом избирательном цикле 1995-1996 гг. основным "динамизирующим" фактором была несколько искусственно раздутая конфронтация между некоммунистами и коммунистами (в тени которой оставалась "первая" постсоветская война в Чечне), то в

1999-2000 гг. таким фактором стала новая чеченская война. Политическая консолидация общества в поддержку только что предъявленного стране нового премьера и преемника президента вряд ли была бы возможна без воинственной ("агрессивной" в социально-психологическом смысле) мобилизации против общей опасности. Притом опасности вполне зримой, повсеместной, предъявленной стране грохотом и жертвами провокационных взрывов.

На протяжении всех месяцев войны на Северном Кавказе общественное мнение в стране находится в напряженном, экстремальном, давно не виданном состоянии воинственной мобилизованности. Значительное большинство населения (около 70%) демонстративно поддерживает продолжение военной операции до победного конца.

Возникший осенью 1999 г. широко распространенный страх населения перед возможными новыми актами террора к концу года стал заметно слабее. Предполагаемых виновников взрывов пока не смогли найти, до судебного разбирательства обвинений дело не дошло. Однако значительной части населения официальная версия причастности к взрывам чеченских боевиков (к которым к концу 1999 г. стали причислять и властные структуры Ичкерии) представляется достаточным доказательством их виновности. Чувства ненависти и мести по отношению к чеченским боевикам и всем их поддерживающим, разделяют, согласно опросам, около трети населения, примерно столько же согласны с тем, что разрушенные селения в Чечне не стоит восстанавливать, что раненых боевиков не следует лечить, что с боевиками можно расправляться без всяких судебных процедур.

Отметим две существенные особенности восприятия новой чеченской войны в общественном мнении.

Во-первых, отсутствие заметного влияния военных потерь на настроения общества. Потери — даже по официальным данным — растут, но общая поддержка населением военных действий сохраняется.

Во-вторых, при общей воинственной напряженности общественного мнения, желание непосредственного личного участия в операциях против террористов и мятежников выражено весьма слабо так, в ноябре 1999 г. такую готовность выражали 19% опрошенных (против 65%).

В основе обоих феноменов, как можно полагать, лежит "постороннее", своего рода "зрительское" отношение к чеченским событиям. Это не равнодушие, не безразличие: в массовых настроениях есть и гнев, и боль, и печаль, — но преимущественно в тех формах, которые обнаруживают заинтересованные и взволнованные зрители действия, происходящего на экране, на сцене, отгороженной от публики. Непосредственную боль человеческих смертей и страданий испытывают близкие, соседи, товарищи попавших в беду. В целом по

стране это, возможно, десятки тысяч людей. Для остальных миллионов война остается событием по ту сторону телевизионного экрана. Более того, значительная часть людей сознательно или не вполне сознательно отстраняет от себя самую тревожную, самую мучительную информацию, замыкаясь в собственных повседневных заботах. (Подобным же образом отстраняются люди и от ответственности за происходящее в стране.) Отсюда и решительное нежелание большинства людей участвовать в осуществлении той самой акции, которую они так активно (но только как "зрители"!) поддерживают. С этим связана и устойчивость оптимистических тенденций в общественных настроениях в тревожные месяцы осени 1999 г.

Так, собственно, работает в российском обществе феномен "астенического синдрома" — отсутствия нормальной болевой реакции на разрыв социальной ткани, а также на разрыв "связи времен" (реакция на действие не связана с учетом его последствий). Но это значит, в числе прочего, и то, что негативная, "агрессивная" мобилизация порождает преимущественно демонстративную консолидацию общества. Ни солидарно переживаемые чувства гнева и отщепенства, ни единодушные голосования не означают реального единства активных действий.

Заслуживает внимания динамика представлений о перспективах военных действий на Северном Кавказе. Несмотря на рост победных ожиданий, особенно заметный к концу 1999 г., значительная часть опрошенных видит скорее пессимистические сценарии развития ситуации.

Как ни странно на первый взгляд, но за долгие месяцы войны отношение российского населения к возможности отделения Чечни от России не слишком изменилось: в сентябре 1999 г. лишь 14% считали необходимым воспрепятствовать отделению Чечни любыми средствами, включая военные, в конце года такую позицию занимали чаще. Но ранее и теперь большинство готово смириться с независимостью мятежной провинции. Не потому, что одобряет действия чеченских сепаратистов, а чтобы "отделаться", отстраниться от всего узла тревог и противоречий. (Тот же астенический синдром.)

За несколько месяцев существенно изменилась политическая сцена страны — характер действующих лиц и самого действия. Характерное для минувшего десятилетия противостояние "демократов" — коммунистам, определявшее (или, по крайней мере, обозначавшее) политические разграничения явно уходит в прошлое. На первый план выходит "партия власти" ("государственная" партия по своим претензиям).

Номинально все атрибуты многопартийности 90-х годов сохранены, реально же — в значительной мере утратили значение. Происходит процесс замены так и не созревшей многопартийности новым вариантом хорошо известной в свое время "государственной партий-

ности". Если в советские времена единственная партия объявляла себя государственной силой, то сегодня государственная власть объявляет себя единственно "правильной" партией, подчиняя себе или оттесняя на обочину политической жизни все прочие организованные партийные силы. Партии, организованные "сверху", как правило, превращаются в простых сателлитов государственной власти, а те, которые пытались вырасти "снизу", на основе каких-то групп и течений, практически сходят со сцены.

При этом, в соответствии с хорошо известной традицией, нынешняя (президентская) власть склонна все чаще отождествлять себя с государством или даже с отечеством, а несогласие со своей политикой объявлять "антигосударственным" действием.

Первым результатом этих политических новообразований можно считать пересмотр всей функциональной конструкции сдержек и противовесов, которая составляла основу многопартийного механизма последних лет. Это фактически лишает своих традиционных ролевых функций на политической сцене не только компартию и ее марионеточного дублера, ЛДПР, но и силы демократической поддержки власти (выступающие сейчас под именем СПС) и демократической оппозиции ("Яблока"). Наглядные подтверждения этой тенденции — поддержка "чеченской" политики правительства большинством во всех партийных электоратах, почти плебисцитарные президентские выборы 2000 г., наконец, фактическое подчинение новоизбранной Думы требованиям исполнительной власти

В итоге — довольно унылая картина опустевшей за десятилетие российской политической сцены. Политика капитулировала перед "завоевателем" — президентской властью. Власть и "послушный ей народ" вновь остаются наедине.

Опыт месяцев, минувших после фактической и формальной передачи высшей власти в России приоткрывают главную "интригу" всего процесса: ожидаемая и провозглашенная как будто стабилизация при отсутствии реальных средств для этого (как "физических", так и "программных") превращаются в создание новых "проблемных точек" и новые попытки балансировать между обострениями различного типа.

Воинственная мобилизация общества вокруг чеченского узла из острой превращается в "привычную", — тем более, что героическая ("штурмовая") фаза операции — с водружением знамен на горные вершины и разрушенные кварталы Грозного — миновала безвозвратно. Любые же варианты рутинных "зачисток" и партизанских вылазок в сочетании с разговорами о переговорах, урегулировании или восстановлении чего бы то ни было при любом варианте управления/неуправляемости в регионе, — заведомо не героичны, не способствуют сохранению надолго мобилизационной напряженности.

Управляемая Дума и конструирование "госпартийности" дали явный, но временный выигрыш исполнительной власти. Административно-направляемая демократия — как в общеполитическом, так и в парламентском плане — превращает администрацию в "крайнего", ответственного за все и вся (каким и представлялся бесконечно критиковавшийся бывший президент). Если нельзя ссылаться на непослушную Думу или на нераспорядительное правительство, виноватыми оказываются президент и его администрация. Кроме того, всякое "механическое" единство, пригодное для противодействия (например, парламентским аутсайдерам), не обязательно окажется эффективным для принятия конструктивных решений.